

Нет автора

**Отчет о двенадцатом присуждении наград
графа Уварова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о двенадцатом присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 266 с.

ISBN 978-5-458-00249-3

ISBN 978-5-458-00249-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1869 года

На соисканіе Уваровскихъ наградъ прислано въ Академію въ нынѣшнемъ году 8 историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ три рукописныхъ; кромѣ того отъ предшествовавшаго конкурса было отложено два сочиненія. Разсмотрѣніе ихъ и присужденіе премій было возложено Конференціею Академіи на особую Коммиссію, избранную для этого въ засѣданіи 10 января и состоявшую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ Гг. Академиковъ Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. А. Куника, П. П. Пекарскаго, А. В. Никитенко и А. Θ. Бычкова. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Коммиссіи, вмѣсто П. П. Пекарскаго, по его нездоровью, присутствовалъ М. И. Броссе.

Исполнивъ данное ей порученіе, Коммиссія, согласно правиламъ Уваровскаго учрежденія, имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что ею присуждены :

Большая премія: Баккалавру Московской Духовной Академіи Евгенію Евстигнѣвичу Голубинскому, за рукописное его сочиненіе: *Святые Константинъ и Меѳодій, апостолы Славянскіе.*

Меншія преміи:

Профессору Дерптскаго университета статскому совѣтнику И. П. Энгельману, за печатное его сочиненіе: *О давности по русскому гражданскому праву.*

Священнику при церкви Маріинскаго института въ С. Петербургѣ Мих. Ив. Горчакову, за изданный имъ опытъ историко-юридическаго изслѣдованія, подъ заглавіемъ: *Монастырскій приказъ 1649—1725.*

Профессору Дерптскаго университета коллежскому ассессору А. А. Котляревскому, за его сочиненіе *О потребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ.*

Дѣйствительному статскому совѣтнику В. В. Стасову, за его изслѣдованіе *О происхожденіи Русскихъ былинъ.*

Магистру В. Макушеву, за его сочиненіе: *Изслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, и*

Кандидату университета И. П. Хрущову, за его разсужденіе, изданное подъ заглавіемъ: *Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Самина, преподобнаго шумена Волоцкаго.*

Затѣмъ, изъ остальныхъ сочиненій, одно отложено до конкурса будущаго года, по недоставленію рецензентомъ, разсмотрѣнію котораго оно было ввѣрено, подробнаго о немъ разбора, и два признаны и рецензентами и Коммиссіею неудовлетворяющими условіямъ, дающимъ право на награду.

I.

Святые Константинъ и Меѳодій, апостолы Славянскіе. Соч. Е. Е. Голубинскаго.

Разсмотрѣніе этого сочиненія было поручено Академику И. И. Срезневскому; составленный имъ разборъ послужилъ для Коммиссіи основаніемъ для присужденія автору полной преміи.

Въ разборѣ своемъ, г. рецензентъ свидѣтельствуетъ, что замѣчательный трудъ г. Голубинскаго обнимаетъ собою весь кругъ вопросовъ, относящихся къ полному жизнеописанію Св.

Константина и Меодія и къ критическому обзору сказаній о братьяхъ первоучителяхъ Славянскихъ, и выказываетъ такое полное знаніе дѣла, какое можно ожидать отъ лучшаго знатока.

Внимательному и подробному обзору этихъ сказаній, Славянскихъ, Латинскихъ и Греческихъ, посвященъ весь второй томъ рукописи, содержащій въ себѣ весьма много любопытнаго и достойнаго вниманія. Г. Срезневскій однакоже не вполне одобряетъ общія правила, которымъ слѣдовалъ авторъ въ этомъ обзорѣ, находя, что, къ сожалѣнію, г. Голубинскій не рѣдко не соблюдалъ здѣсь необходимой ясности и краткости изложенія. Далѣе рецензентъ замѣчаетъ: «Въ разборѣ свидѣтельствъ сочинитель держался такого общаго приема: каждое свидѣтельство разсматривается какъ совершенно извѣстное читателю; въ каждомъ отмѣчается только то, что сочинитель считаетъ важнымъ въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ было ему нужно, а обо всемъ другомъ умолчано, какъ бы его и вовсе не было. Писателю, желающему быть безпристрастнымъ, такой приемъ, кажется, можетъ только вредить въ мнѣніи читателей строгихъ и недоувѣрчивыхъ. Съ этимъ приемомъ сочинитель соединяетъ и другой, не менѣе опасный для справедливаго рѣшенія дѣла: признавъ достовѣрность некоторыхъ свидѣтельствъ, онъ считаетъ ихъ не только достовѣрными, но и полными, и затѣмъ всѣ другія мѣряетъ этимъ избраннымъ». Такого приема въ оцѣнкѣ свидѣтельствъ нельзя держаться. Точно также, по замѣчанію рецензента, не можетъ не вредить дѣлу неумѣренность въ похвалахъ и порицаніяхъ, допускаемая иногда сочинителемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ доказать недостовѣрность какого-нибудь источника достовѣрностію другаго. Поэтому г. Срезневскій выражаетъ свое убѣжденіе, что весь критическій разборъ свидѣтельствъ о Константиѣ Философѣ и Меодіи, составленный г. Голубинскимъ, получилъ бы болѣе важное значеніе, въ наукѣ, если бы авторъ, даже сохраняя всѣ главныя свои убѣжденія, измѣнилъ изложеніе и устранилъ всѣ предположенія и наведенія защитительныя и обвинительныя.

Отъ второй части сочиненія г. Голубинскаго, посвященной разбору свидѣтельствъ, вполнѣ зависятъ первая часть, заключающая въ себѣ опытъ полнаго жизнеописанія Святыхъ Константина Философа и Меодія. Она написана также занимательно и съ тѣмъ же увлеченіемъ, но какъ и можно ожидать по второй части, есть лишь подробный пересказъ и объясненіе Паннонскихъ житій, какъ единственно вѣрныхъ свидѣтельствъ объ апостолахъ Славянскихъ. Заключая въ себѣ изложеніе и разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ жизни обоихъ братьевъ и общихъ историческихъ событій, съ ними связанныхъ, этотъ рассказъ дополненъ свѣдѣніями и соображеніями по разнымъ общимъ вопросамъ, касающимся послѣдствій дѣятельности братьевъ-первоучителей у Славянъ. Въ этой части своего труда сочинитель еще разъ далъ мѣсто опроверженію показаній свидѣтельствъ, которыя онъ признаетъ невѣрными, и присоединяетъ къ тому замѣчанія противъ мнѣній и соображеній, которыя онъ признаетъ несправедливыми. Сочинитель старался послѣдовательно устранить всѣ недоумѣнія, наводимыя различіемъ показаній разныхъ свидѣтельствъ, и для этого былъ принужденъ устранить многія изъ такихъ показаній, а другія истолковывать иначе, чѣмъ дѣлалось это доселѣ. Едва ли можно доказать, что авторъ всегда правъ въ отношеніи къ свидѣтельствамъ, которыя онъ защищаетъ или отвергаетъ. Наконецъ и въ этой первой части, какъ и во второй, нѣтъ сжатости изложенія.

Въ заключеніе своего отзыва г. Срезневскій говоритъ, что во всякомъ случаѣ сочиненіе г. Голубинскаго есть очень замѣчательное явленіе въ нашей современной литературѣ, какъ трудъ человѣка, хорошо знакомаго съ предметомъ и имъ увлеченнаго, какъ трудъ въ своемъ родѣ полный, и вызывающій другихъ на дальнѣйшія изслѣдованія по тому же предмету.

II.

О давности по русскому гражданскому праву. Сочиненіе Г. Энгельмана.

Если бы книга Г. Энгельмана, согласно заглавію, имѣла

своимъ предметомъ только догматическое изслѣдованіе о давности, то она, какъ сочиненіе юридическое, не подходила бы подъ условія наградъ графа Уварова. Но въ этомъ сочиненіи догматическая часть такъ тѣсно связана съ историческою, и кромѣ того, исторія русскихъ законоположеній о давности изслѣдована авторомъ настолько самостоятельно и полно, что Академія сочла себя въ правѣ принять этотъ трудъ на Уваровскій конкурсъ сего года.

Составленіемъ подробной и осмотрительной оцѣнки этого сочиненія Академія обязана Члену-Корреспонденту своему, сенатору Н. В. Калачову, и увѣрена, что, основавъ свой приговоръ на мнѣніи такого глубокаго знатока предмета, соблюла всѣ требованія справедливости.

Свою рецензію г. Калачовъ начинаетъ разсмотрѣніемъ догматическихъ соображеній автора, служащихъ основаніемъ для сего изложенія исторіи постановленій о давности по русскому гражданскому праву, и затѣмъ переходитъ къ исторической части труда.

Первыя указанія на давность въ юридическихъ памятникахъ нашей старины авторъ находитъ въ Псковской судной грамотѣ. Сущность выраженнаго въ ней закона, по замѣчанію автора, состоитъ въ томъ, что четырехъ- или пятилѣтнее владѣніе землею безъ перерыва устанавливаетъ собственность на оную. Противъ этого вывода нельзя было бы возражать, если бы г. Энгельманъ не говорилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Псковская грамота вышеприведенною статьею устанавливаетъ давность владѣнія въ смыслѣ римскаго usucapio. По мнѣнію рецензента, нельзя также не подвергнуть сомнѣнію вѣрность вывода автора, что въ Псковской грамотѣ имѣется въ виду только такая земля, которая въ первый разъ обрабатывалась, а передъ тѣмъ была земля нетронутая, ничья, или принадлежала государству. Внимательное изученіе этого памятника должно привести къ убѣжденію, что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о давности исковой, т. е. погашающей искъ;

о томъ же, что владѣлецъ становится собственникомъ, даже во- все не упоминается, а только само собою подразумѣвается. Та- кимъ образомъ Псковская судная грамота столь же мало, какъ и позднѣйшіе памятники, устанавливаетъ *usucapio* въ томъ смыслѣ, какъ это выраженіе употребляется въ римскомъ правѣ; но какъ и эти памятники, она, очевидно, не отрицаетъ обращенія владѣ- нія въ собственность чрезъ признаніе судомъ настоящаго соб- ственника потерявшимъ противъ владѣльца право отыскивать свою землю.

Указываемое г. Энгельманомъ отношеніе между разными способами доказательства при рѣшеніи споровъ о землѣ по Псков- ской грамотѣ, по замѣчанію рецензента, не подкрѣплено проч- ными доводами. Онъ находитъ, что статьи Псковской судной гра- моты должны быть объясняемы по указываемому въ каждой изъ нихъ случаю или примѣру судебной практики, а не возводимы въ болѣе или менѣе общія начала, какъ это дѣлаетъ г. Энгельманъ, распространяясь о томъ, почему псковское *usucapio* не усвоило себѣ *bona fides* и *justus titulus*, безъ которыхъ давность владѣ- нія у Римлянъ была немьслима.

Въ противоположность давности владѣнія въ Псковѣ и такой же давности въ Новгородѣ (принимаемой авторомъ единственно вслѣдствіе общаго сходства въ бытѣ Пскова и Новгорода), г. Энгельманъ совершенно отрицаетъ такую же давность на почвѣ Московскаго княжества. Съ этимъ мнѣніемъ рецензентъ не находитъ возможнымъ согласиться, какъ и вообще съ заклю- ченіемъ автора, будто даже давность исковая въ русскомъ правѣ не существовала съ древнѣйшихъ временъ и не развила обы- чаемъ и практикой, какъ это полагаютъ Неволинъ и Мейеръ, такъ что по XV вѣку не видно даже никакихъ признаковъ суще- ствованія такого обычая, и что напротивъ того давность иска въ русскомъ правѣ, подобно какъ въ римскомъ, есть учрежденіе не древняго, а позднѣйшаго времени и установлена не обычаемъ, а государственною законодательною властью. Насколько извѣстно по дошедшимъ до насъ историческимъ памятникамъ, какъ въ XV

вѣкъ, до изданія перваго Судебника, такъ и ранѣе, не было одного общаго, закономъ установленнаго срока, которымъ бы руководствовались суды при рѣшеніи спорныхъ дѣлъ на основаніи давности. По мнѣнію рецензента, это доказываютъ ясно не только Псковская судная грамота, гдѣ говорится о давности четырехъ или пятилѣтней, но и представленные самимъ г. Энгельманомъ, примѣры изъ нашей древней московской судебной практики, которые свидѣтельствуютъ, что въ ней примѣнялись и шести- и пятнадцатилѣтніи сроки, а тяжущіеся ссылались и на другіе, какъ болѣе, такъ и менѣе продолжительные.

Обращаясь къ Судебникамъ и къ слѣдующимъ за ними памятникамъ законодательства до Уложенія 1649 г. включительно, г. Энгельманъ съ большимъ вниманіемъ обсуждаетъ значеніе встрѣчающихся въ нихъ сроковъ давности. Къ сожалѣнію, выводы автора относительно этого предмета основаны почти исключительно на статьяхъ указовъ, въ которыхъ говорится о томъ или другомъ срокѣ, и въ этомъ отношеніи надо отдать ему справедливость въ полной добросовѣстности, съ какою онъ старался разъяснить какъ происхожденіе, такъ и свойство всѣхъ этихъ сроковъ; тѣмъ не менѣе практическое примѣненіе ихъ изслѣдовано въ разсматриваемомъ сочиненіи неудовлетворительно.

Отъ давности по Уложенію 1649 г., авторъ почти прямо переходитъ къ давности, учрежденной Императрицей Екатериной II. Такое опущеніе странно встрѣтитъ у автора, столь тщательнаго въ своихъ розысканіяхъ, что имъ разработаны даже и такія свидѣтельства о тогдашнемъ юридическомъ бытѣ, въ которыхъ нѣтъ и помину о давности, единственно потому, что онъ предполагалъ найти въ нихъ какія-либо на нее указанія.

Что касается до выводовъ г. Энгельмана относительно давности, учрежденной при Екатеринѣ II, то рецензентъ находитъ многіе изъ нихъ недовольно убѣдительными. Такъ дальнѣйшія розысканія источниковъ могутъ привести къ опроверженію выражаемыхъ авторомъ мнѣній, что между давностью, учрежденною Екатериной, и тою, которая имѣла силу въ Россіи въ пред-

пествовавшее время, нѣтъ никакой связи; что мнѣніе Неволіна, принимавшаго вліяніе Литовскаго Статута на введеніе нынѣшней десятилѣтней давности, невѣрно, и что, наконецъ, выраженіе «давность владѣнія» встрѣчается въ первый разъ въ Сводѣ Законовъ 1832 г.

Какъ ни важны нѣкоторые изъ недостатковъ сочиненія г. Ангельмана, указанныхъ рецензентомъ, они не могутъ заслонить собою существенныхъ достоинствъ его труда, которыя главнымъ образомъ состоятъ въ весьма внимательной разработкѣ многихъ источниковъ русскаго законодательства въ отношеніи къ давности по гражданскому праву, въ тщательномъ соображеніи сдѣланныхъ отсюда выводовъ съ предположеніями и заключеніями, находящимися въ разныхъ юридическихъ сочиненіяхъ и даже мелкихъ статьяхъ, въ стройной систематической группировкѣ разныхъ видовъ давности, дающей читателю впервые возможность, обнять и усвоить себѣ разомъ всѣ эти виды. Наконецъ предлагаемое авторомъ толкованіе тѣхъ мѣстъ изъ манифестовъ Императрицы Екатерины II 1775 и 1787, которыя относятся къ давности, чрезъ сличеніе ихъ съ современными имъ и позднѣйшими уставами, указами, сенатскими рѣшеніями и мнѣніями Государственнаго Совѣта, составляетъ такой полезный трудъ для правильнаго пониманія не только этихъ манифестовъ, но и статей о давности въ дѣйствующемъ законодательствѣ, что имъ однимъ, по справедливости, нельзя отказать въ значеніи историко-критической монографіи, составленной съ большимъ талантомъ.

III.

Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія священника М. И. Горчакова.

Рецензія этого сочиненія была, по приглашенію Академіи, составлена профессоромъ Московскаго университета И. Д. Бѣляевымъ, который заявилъ, что, по его мнѣнію, книга отъ Горчакова, не смотря на нѣкоторые недостатки, должна быть отве-

сена къ замѣчательнымъ явленіямъ въ современной нашей историко-юридической литературѣ.

Авторъ основалъ свой трудъ на строгомъ изученіи памятниковъ, не только печатныхъ, но и древнихъ письменныхъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Его сочиненіе распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ одной представлены явленія церковной, государственной и юридической жизни Россіи, вызвавшія, какъ историческую необходимость, учрежденіе Монастырскаго приказа въ 1649 и 1701 годахъ, а въ другой изображены состояніе, права, дѣятельность и исторія Монастырскаго приказа по эпохамъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ судьбѣ его и въ развитіи вопросовъ, для которыхъ онъ существовалъ.

Разсмотрѣніе обстоятельствъ, вызвавшихъ учрежденіе Монастырскаго приказа въ 1649 г., авторъ начинаетъ съ введенія Христіанства въ Россію и затѣмъ излагаетъ постепенныя измѣненія въ законоположеніяхъ о духовенствѣ, поставившія Церковь, около половины XVII столѣтія, въ неудовлетворительныя и запутанныя отношенія къ обществу. Задачею учрежденнаго тогда Монастырскаго приказа былъ, по мнѣнію от. Горчакова, не одинъ вопросъ о гражданской подсудности духовенства, который могъ бы быть разрѣшенъ отдѣльно, отиѣною судебныхъ привилегій, но и еще важнѣйшій вопросъ—объ отчужденіи отъ Церкви вотчинъ и о передачѣ ихъ государству. Но причину, породившую этотъ вопросъ, надо искать не въ запутанности отношеній, обусловленной многочисленными привилегіями, а въ измѣненіи условій землевладѣнія къ государству и службѣ. Къ сожалѣнію, на эту важную историческую причину учрежденія Монастырскаго приказа авторъ не обратилъ вниманія, вслѣдствіе чего представленный имъ разборъ явленій, подготовившихъ это учрежденіе, страдаетъ односторонностью и какъ бы недоконченностью.

По изслѣдованію от. Горчакова, устройство Монастырскаго приказа, со времени его открытія въ 1649 г. и до его перваго упраздненія въ 1677 г., т. е. въ періодъ Уложенія, имѣло крайне неопредѣленный характеръ, и подавало поводъ къ разнымъ за-

трудненіямъ для духовныхъ лицъ въ отношеніи къ суду гражданскому, — неопредѣленность, которая выказывалась и въ отношеніи круга дѣятельности приказа. Но авторъ упустилъ изъ виду, что этотъ недостатокъ былъ общъ Монастырскому приказу со всѣми другими приказами того времени: всѣ они были судебными и вмѣстѣ административными, финансовыми, и даже полицейскими учрежденіями для лицъ и мѣстъ, имъ подвѣдомственныхъ; всѣ они представляли казенное управленіе тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ въ дѣлахъ всякаго рода. Такимъ образомъ и Монастырскій приказъ былъ казеннымъ управленіемъ надъ духовенствомъ и лицами, связанными съ нимъ; слѣдовательно тутъ была полная опредѣленность, но только не въ отношеніи рода дѣлъ, а относительно лицъ и учреждений.

Обратившись къ Монастырскому приказу Петра Великаго, до подчиненія этого присутственнаго мѣста Св. Синоду, авторъ по необходимости долженъ былъ остановиться на перемѣнѣ условій поземельнаго владѣнія, какъ на одной изъ главныхъ историческихъ причинъ, вызвавшихъ учрежденіе Петровскаго приказа — обстоятельство, на которое онъ не обратилъ должнаго вниманія въ главѣ о Монастырскомъ приказѣ по Уложенію, гдѣ, по мнѣнію рецензента, было надлежащее мѣсто изложенію этого обстоятельства. Но и здѣсь не затронуть главный и основной вопросъ — о перемѣнѣ отношеній во всѣхъ разрядахъ поземельнаго владѣнія, происходившей вслѣдствіе постоянного стремленія правительства къ тому, чтобы *земля изъ службы не выходила*, которое наконецъ привело къ тому, что къ началу XVIII столѣтія сгладилося всякое различіе между помѣстными и вотчинными землями служилыхъ людей. Вмѣсто этого общаго начала, послужившаго основаніемъ сперва къ ограниченію приобрѣтенія вотчинъ церковными учрежденіями, а потомъ къ постепенной секуляризаціи монастырскихъ и другихъ церковныхъ вотчинъ, от. Горчаковъ выставляетъ лишь частные случаи. Съ удивительнымъ стараніемъ собралъ онъ множество примѣровъ отчужденія церковныхъ вотчинъ въ пользу государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ; но какъ ни ве-